

Екатерина Гладышевская родилась 20 мая 1982 года в городе Мурманске. Закончила Мурманский государственный технический университет по специальности «Прикладная информатика в экономике», с отличием – магистратуру Мурманского арктического государственного университета по специальности «Мультимедийная журналистика». Лауреат региональной губернаторской литературной премии им. Баева-Подстаницкого, фестиваля молодых литераторов «Знаки». Журналист, радиоведущая, член Союза российских писателей.

Екатерина Гладышевская г. Мурманск

***

В туманные глазницы фонарей
Гляжу до острой рези, не мигая:
В бездонной дымке тонут, возникая
Из недр сокрытых в памяти морей,
Вселенные моих Гиперборей.

На смену им из низменных глубин,
Вгрызаясь в толщи вод и жаля ядом,
Несутся ввысь невидимые взгляду
Тревоги, словно я, как бедный Бим,
Вдруг потеряла всех, кто был любим.

Молитва здесь – что реквием по ней.
И больно так, что я вдохнуть не в силах.
Все то, о чем вселенную просила
Изъять из кэша и стереть в огне,
Взметнулось черной яростью во мне.

Зажмуриться. Но слабость показав,
Я б робко уступила этой мощи.
Пусть не из тех, кто никогда не ропщет,
Но самой тёмной ночью свет в глазах
Фонарного столба укажет путь назад.

И станет маяком в моей дороге к дому.

Мой свет

Я привыкла стоять у края, смотреть во мрак,
Рисовать из частичек тьмы когнитивный ад.
Но однажды увидев в саже фантом добра,
Ты уже никогда не сделаешь шаг назад.

На ладонях моих теперь – чередой борозд
От запаянных страхом тревог в тесноте горсти.
План безумен и плох, но от этого смел и прост:
Так стоять, пока свет не вернётся меня спасти.

И пускай день за месяц на проклятом том краю,
Вдалеке от привычного быта – на той войне.
Мой мерцающий свет, ты молитву услышь мою,
Со щитом. Навсегда. Поскорей воротись ко мне.

***

Мне было восемь. И платье в горошек
Штопала, пальцы кусая, игла.
Только с заплаткой немного подросшей
Я его больше надеть не смогла.

Мне было двадцать. И каждое лето,
Не рассуждая о «если» и «ну»,
«Штиль» голосили два недопоэта,
Души, как форточки, в высь распахнув.

Мне было тридцать. «Вампир» и «Химера»
Всё ещё дороги, хоть и не те.
Годы спустя я нашла его первой,
Только уже общих не было тем.

Мне уже больше. Обман и утраты
Сыплют горстями камней по хребту.
Встретив тебя, я мечтала украдкой
Вычерпать к дьяволу всю пустоту.

В храме моём – как в больничной палате:
Грань до забвения – тонкая нить.
Жизнь – это выбор. И латка на платье –
Вовсе не повод его не любить.

P.S. Я люблю тебя.

После каждой кошмарной ночи всегда светает,
Как бы ты не ломала руки, не выла в клочья.
Далеко не в любом сосуде вода святая,
И домашние псы зачастую рычат по-волчьи.

Тянешь к низу подол и стыдливо сутулишь плечи,
Чтоб не видел никто, сколько свежих рубцов и ссадин.
Затаиться и скрыться – не значит, что станет легче.
Отдышись, оглядись и послушай идущих сзади.

Я следил за тобою годами прозрачной тенью,
Растворяясь со временем в каждой улыбке, стоне,
Чтобы прятаться в сумерках утра ночных видений
И читать неразборчивый почерк твоих ладоней.

Я врывался холодным ветром октябрьской стужи,
Целовал твои волосы, с каждым клубком играя.
И гадал, почему человек зачастую нужен
Лишь тому, кто с ним, глядя на горе, стоит у края.

...Я сегодня звоню не за тем, чтобы ты просила
Перестать утешать и жалеть своего поэта.
Ты – мой воздух и свет, ты – любовь нереальной силы.
И не смей никогда, ни за что забывать об этом!

Дедушке

У поблекшей песочницы также уютно и тихо.
В ней малыш из песка с упоением лепит бестселлер.
Неприглядный на вид, он не пахнет медовой мастикой,
Но придуманный хлеб в этом крошечном мире бесценен.

Так же было и раньше. Лишь лавки стояли иначе.
И цветная ограда заботливо их обнимала.
Баловался с ведёрком другой непоседливый мальчик.
Разве знал он, что будет тех дней до обидного мало.

Я месила в сторонке для пасочек странное тесто,
Вытирая от грязи ладони о платье из ситца.
Ты всегда помогал, не взирая на плач и протесты.
И на плечи сажал, только я начинала проситься.

«Покатай меня, деда?» – пронзительным эхом под кожей.
На качелях, на велике, санках! Взахлёб и по кругу.
Разве знать я могла, что мгновений не будет дороже,
Когда, жалобно хныча, молила: «Держи мою руку!»

Ты со мной делал шаг в направлении первых открытий,
Хоть в масштабах вселенной он был незаметен и скромн.
А когда по вагону несло: «Провожаящим выйти», Ты
дарил шоколадку. И долго стоял на перроне.

С повзрослевших берёз опадают последние листья,
Хороня биографию чувств под «когда-то» и «где-то».
И какая-то кроха за кем-то крадётся по-лисий
И тихонько канючит под нос: «Покатай меня, деда...»

Колыбельная нежности

*Дай хоть последней нежностью выстелить
твой уходящий шаг.*

Вл. Маяковский

Смотав узоры волшебных баек
В клубок из пряжи осенне-рыжей,
Уставший Карлсон засыпает
Под мягким пледом на старой крыше.

А где-то там, где деревья выше,
И слаще воздух, мой дивный honey,
Прохладный город огнями выжжен,
И ночь глотает твоё дыханье.

Когда, поведай, мы стали ближе?
Сквозь призму теплого мукузани
Ты снова видишь, как кожу лижет
Хмельное пламя моих касаний.

И эта нежность пьянит и манит,
Любые раны способна штопать.
Душа без нежности – брешь в кармане,
В которой вечно теряешь что-то.

Рассвет смущённо в окошки брызжет,
И блики солнца в тенях играют.
Мне снится небо над старой крышей.
И мы босые стоим у края.

Любить это хотеть касаться.

К. Станиславский

Путь предрешён нарушивших закон
Формата человеческих транзакций.
Я буду вечно проклята за то,
Что рук твоих мне хочется касаться.

И добровольный выбирая плен,
Мой курс, увы, порой неидеален –
Я в глаз твоих нечаянном тепле
Укутаюсь как в мягком одеяле.

Подарит ночь мятущейся душе
Короткий миг блаженного покоя,
Пока рассвет, проснувшийся уже,
Не поползет по заспанным обоям.

Частит в висках, и замирает дух
Как в бешеном витке тройного лутца.
Я всё отдам, сгорая на лету,
За каждую возможность прикоснуться.

Многоточие над ё

И ты, как прежде, глядишь мальчишкой в её глаза,
И пряча искристую нежность в изгибе рта,
Сжимаешь до боли пальцы, чтобы не показать,
Не выдать, не выкричать и в тысячный раз смолчать,
Что сокращается мир до скважины для ключа,
Что ноги немеют, и голова горяча,
Когда она касается твоего плеча –
И жизнь походит снова на кавардак...

И ты вспоминаешь города огненный карнавал,
Как ты её сотни раз обнадеживал, а потом убивал,
М-18 в сумеречном дыму, и как обещал
любить лишь её одну,
И как она после – с растущим отчаянием в груди,
Бросив лицо в ладони, рыдала, когда ты уходил.
...Только как прежде – не будет, как теперь ни крути...

И время рубцом на коже, и разум кристально здрав,
И вроде теперь не должен, и даже частично прав.
Но на загорелой коже, выцелованной заревом,
Еле заметный прожиг – выласканное «занято!».

И все её кавалеры, как в горле кость,
И номер мобильного можешь сложить в стихи,
И если решил, что баста – раз бросил – брось!
Но в сумерках снова ты слышишь её шаги...

В ночи под «вахтерам» – храни её, святой боже!
...Она всё простила, но только забыть не сможет.